

УДК 811.161.1

ББК 81.2Рус

**КОНСТРУКЦИЯ НЕ Я (ТЫ) ЛИ +
ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ VS ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ
И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СТАТУСОВ***

П. В. Ключин, Е. В. Маркасова

Вводные замечания. Данные Национального корпуса русского языка НКРЯ¹ свидетельствуют о том, что риторический вопрос, начинающийся конструкцией *не + личное местоимение + частица ли*², может служить для выражения полярных настроений и разнообразных чувств: недовольства, разочарования, сомнения и радости, искреннего восторга. Эта конструкция распространена в письменной речи, причем для создания имитации устной. В живой речи, по данным материалов НКРЯ и «Одного речевого дня» (ОРД), она почти не встречается. Это объяснимо: в письменной речи благодаря двум клитикам (проклитика «не» и энклитика «ли») местоимение воспринимается как выделенное слово, тогда как в устной речи адресант выделяет местоимение просодическими средствами.

В предыдущих публикациях, посвященных этой теме [Ключин, Маркасова 2013а, 2013б], мы писали о распределении позитивной и негативной коннотации в конструкции *не я (ты) ли + глагол* и отмечали, что до середины XIX в. конструкция *не + личное местоимение + ли* использовалась как для выражения восхищения, так и для выражения возмущения чем (кем)-либо. В

XX в. для прозаических текстов преобладающей является отрицательная коннотация, а в поэзии конструкция сохраняет связь с высокой тематикой и по-прежнему может служить средством выражения позитивных эмоций.

Цель данной статьи — описание именных распространителей конструкции *не я (ты) ли + имя существительное (прилагательное)* и характера их обусловленности отношениями между адресантом и адресатом.

Общая характеристика материала. Как показывает НКРЯ, все возможные типы конструкции (*не я ли, не мы ли, не ты ли, не вы ли, не он (она, оно, они) ли*) с личным местоимением в именительном падеже встречаются в текстах разных литературных жанров XVIII–XXI вв. Безусловным «лидером» (по данным НКРЯ) является конструкция *не ты ли*, которая встречается чаще прочих (391), за нею с большим отставанием следует *не он ли* (226), *не я ли* (190), *не вы ли* (177), *не мы ли, не он ли, не она ли, не оно ли, не они ли*.

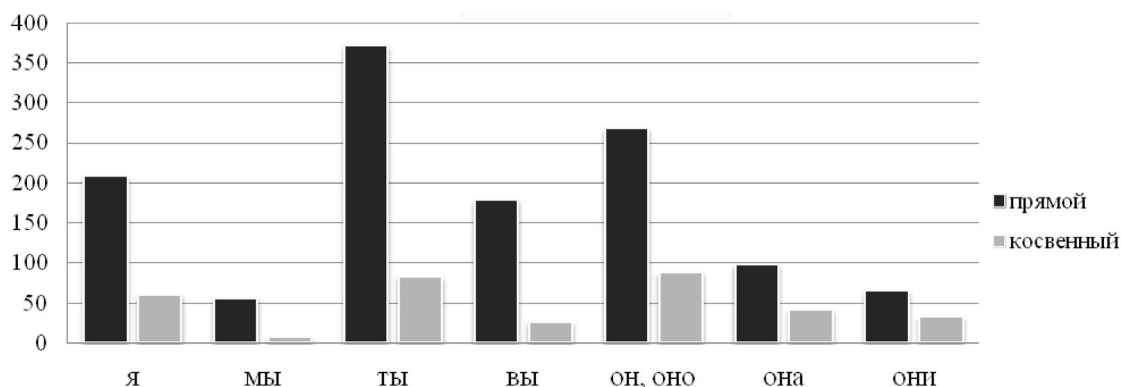
Конструкций с личным местоимением в прямом падеже больше, чем конструкций, содержащих местоимения в косвенных падежах (см. рис. 1).

* Исследование выполнено в рамках проекта „Информационная система коммуникативных сценариев спонтанной русской речи“» (РГНФ № 12-04-1201).

¹ Материал для исследования собран в мае 2012 г.

² Случаи употребления конструкции в начале придаточного предложения (Услышав мою фамилию, доктор осведомился, *не я ли тот генерал*, который командовал Железными стрелками. [А. И. Деникин. Путь русского офицера (1953)]), где *ли* является союзом, мы не рассматриваем.

Рис 1. Количество конструкций с местоимениями в прямом и косвенном падеже (по данным основного и поэтического корпусов)

Всего можно выделить две основные разновидности конструкции *не + личное местоимение + ли*. Во-первых, это риторический вопрос, предполагающий, что ответ известен как адресату, так и адресанту:

- (1) С ревом, свистом я летаю, Всем верчу, все возмущаю, Все дрожит передо мной! Так *не я ли* царь земной? ... И труда не будет много То на деле доказать! [В. А. Жуковский. Солнце и Борей : «Солнцу раз сказал Борей...» (1828)]
- (2) *Не ты ли* собирался бросить меня под колеса бензовоза, сбить машиной? [Игорь Ефимов. Суд да дело // «Звезда», 2001]

Во-вторых, это риторическое восклицание, отражающее положение вещей, как его представляет говорящий:

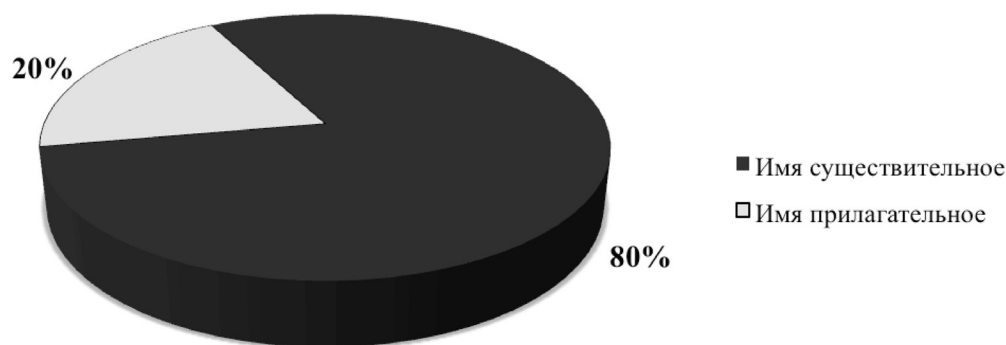
- (3) — *Не я ли* говорила тебе, что он только и делает, что деньги занимает! [И. А. Гончаров. Обрыв (1869)]

Приведенные примеры показывают, что конструкция может служить для выражения и положительной — см. (1) и (2), и отрицательной оценки чьих-либо действий (3). Риторический вопрос, как и риторическое восклицание, предполагает, что говорящий знает об истинном положении вещей все, причем безупречность собственной позиции для него очевидна [Москвин 2007: 644].

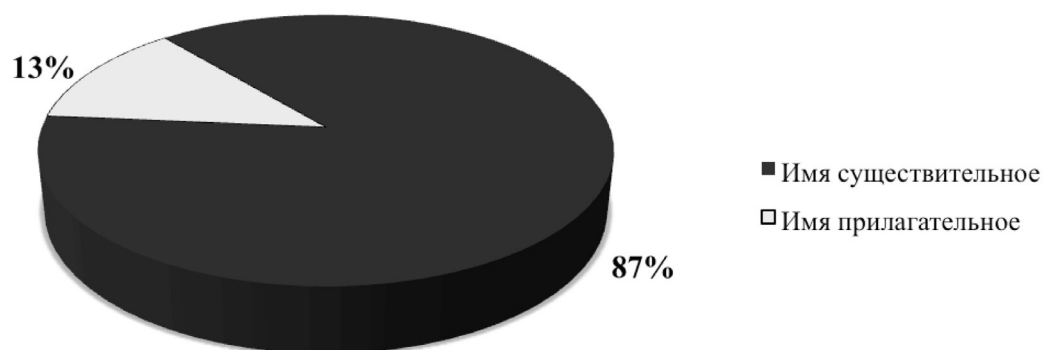
Как видно из рис. 1, именно непосредственное обращение к собеседнику, общение с ним «лицом к лицу» является наиболее стандартной формой риторического вопроса, выражаемого данной конструкцией.

Конструкция *не + личное местоимение + имя существительное vs прилагательное* представлена значительно скромнее, чем ее аналог с глаголом. В частности, в НКРЯ всего 20 примеров с конструкцией *не я ли + существительное* и 5 примеров с конструкцией *не я ли + прилагательное* (рис. 2); 28 примеров с конструкцией *не ты ли + существительное* и лишь 3 примера с конструкцией *не ты ли + прилагательное* (рис. 3).

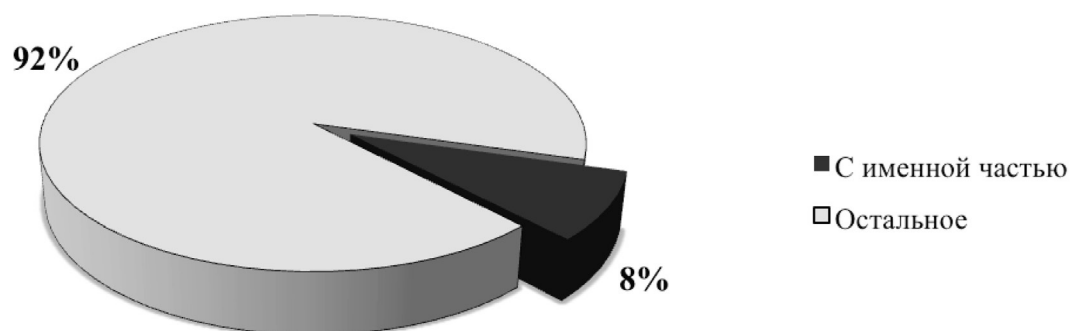
Рис. 2. Статистика конструкции «не я ли + имя существительное vs имя прилагательное» (по данным основного и поэтического корпусов)

Рис. 3. Статистика «не ты ли + имя существительное vs имя прилагательное» (по данным основного и поэтического корпусов)

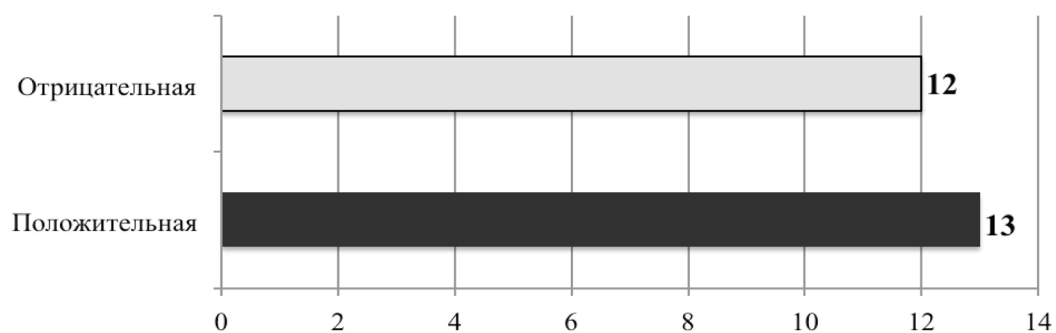

Рис. 4. Количество конструкций «не я (ты) ли + именная часть» от общего числа конструкций (по данным основного и поэтического корпусов).

Рис. 5. Положительная и отрицательная коннотация конструкции «не я ли + именная часть» (по данным основного и поэтического корпусов)

Положительная и отрицательная коннотация в конструкции «не я ли + именная часть»

Рис. 6. Положительная и отрицательная коннотация конструкции «не ты ли + именная часть» (по данным основного и поэтического корпусов)

Не я ли + имя существительное vs прилагательное

В сочетаниях *не я ли* с именными частями речи явно выделяются две большие группы: во-первых, это группа предикатных имен, характеризующих место или роль адресанта в событиях, которые уже произошли и были восприняты как связанные с адресантом. В эту группу входят слова: *вина, причина, помеха, виновный, виноват* и т. д. Конструкции *не я ли + помеха (вина, причина* и проч.) часто используются в автокоммуникации.

- (4) *Не я ли виноват* в том, что он не приехал? [Н. И. Голицына. Воспоминания о польском восстании 1830–1831 (1837)]
- (5) Но потом, *не я ли была причиною*, что дело имело такой мелодраматический вид и привело к такой эффектной катастрофе? [Н. Г. Чернышевский. Что делать? (1863)]
- (6) *Не я ли был виною* ее гибели? [В. Т. Нарезный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)]

Во-вторых, это группа распространителей конструкции именными частями речи, обозначающими статус, который, как считает говорящий, слушатель не может игнорировать.

- (7) Мне действительно приходило иногда на ум: *не я ли* в самом деле то *лицо*, в пользу которого составлено духовное завещание императрицы Елизаветы Петровны? [П. И. Мельников-Печерский. Княжна Тара-

канова и принцесса Владимирская (1867)]

Однако в поэтических текстах, для которых автокоммуникация чрезвычайно характерна, данная конструкция активно употребляется с именной частью, при этом чаще всего предложение имеет положительную коннотацию (исключая случаи самоуничтожения и самобичевания):

- (8) Душе моей дана Как бы незримая порфира. *Не я ли царь и бог?* Не мне ли честь и дань? [И. А. Бунин. «На всякой высоте прельщает Сатана...» (1916.08.26)]
- (9) Не мой ли сей венец? *Не я ли дочь Петрова?* И россы моего все требуют покрова. [М. В. Ломоносов. Надпись на день восшествия на престол Ее величества 1753 года, где Ее величество уподобляется Минерве, молниєю поражающей дракона многоглавного: «О древность славная пречудными делами...» (1753)]
- (10) Так *не я ли царь земной?*.. И труда не будет много То на деле доказать! [В. А. Жуковский. Солнце и Борей: «Солнцу раз сказал Борей...» (1828)]
- (11) *Не я ли сам страдалец* тот Тантал? [В. К. Кюхельбекер. «Ты пыльной древности преданья воскресил...» [Два сонета, 2] (1839)]

Примеры такого типа в основном датируются XVIII–XIX вв., причем во всех случаях ощущается присутствие воображаемой «публики», которой приписывается способ-

ность (или даже долженствование) сочувствовать и симпатизировать говорящему.

- (12) *Не я ли ваш государь законный*, некогда вами любимый? [Н. М. Карамзин. История государства Российского: Том 4 (1808–1820)]

Для адресанта основанием ощущать превосходство над адресатом может являться указание Я-статуса, сопровождаемое конкретизацией заслуг перед обществом или непосредственно адресатом (см. примеры (13) и (14)).

- (13) *Не я ли мать ваша? не я ли родила вас? не я ли вскормила вас сосцами моими?* [епископ Игнатий (Брянчанинов). Отечник (1863)]

- (14) *Не я ли это врач ваш духовный, не я ли лечил пластырем кроткого утешения мозоли ваших душ, натёртые печалью вашей жизни?* [Максим Горький. Мои интервью (1906)]

Рассматривая эти примеры, можно домыслить гипотетическую реакцию публики. Если называется статус, то, как правило, ожидается реакция *конечно, это ты!*, а если продолжением конструкции являются слова *помеха, причина, вина* и т. п., обычно ответ предсказуем: *нет, это, конечно, не ты*. Есть и более сложные случаи, например в (15), где возможна такая интерпретация: *да, допустим, что это я, но при ближайшем рассмотрении окажется, что, конечно, не я*:

- (15) — Но я хочу знать, чем ты расстроена. *Не я ли причиной?* Если — да, то ты напрасно огорчаешься, потому что лучшего мужа днем с огнем не найдешь. [С. М. Степняк-Кравчинский. Андрей Кожухов (1898)]

Конструкция *не я ли*, в отличие от *не ты ли*, очень редко служит средством выражения иронии, но и такие примеры можно обнаружить:

- (16) — Ночь, день и очи Зинаиды Павловны, будьте столь великодушны: сообщите, *не я ли сей счастливец!* [М. П. Арцыбашев. Санин (1902)]

Пример автокоммуникации, когда адресант дает самому себе отрицательную характеристику, которую произносит про себя, находим у И. С. Тургенева (17). Внутренняя речь Аркадия демонстрирует неприятие поведения Базарова, но произнести риторический вопрос вслух Аркадий не решает, поскольку его низкий коммуникативный статус не предполагает такого поведения:

- (17) ...то есть — ты бог, а *олух уж не я ли?* [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862)]

Примеры автокоммуникации, ориентированной на восприятие публики, распространены именно в поэзии:

- (18) Но что? *не я ли сам страдалец* тот Тантал? [В. К. Кюхельбекер. «Ты пыльной древности преданья воскресил...» [Два сонета, 2] (1839)]

- (19) И на исповеди всё ли Перечли духовникам? .. *Да не я ли уж помеха?* Я ведь здесь совсем чужой! [А. Н. Майков. «Золотой архиепископ...» (1858–1859)]

Не ты ли + имя существительное vs прилагательное

Среди конструкций *не ты ли + имя* нет ни одного примера со словами *помеха, причина, вина, виноват, виновен* и т. п., как это было в конструкции *не я ли + имя*.

При использовании конструкции с именем существительным, указывающим на высокий статус адресата, названный статус является основанием для гордости и похвалы:

- (20) *Не ты ль, о мужество граждан, Неколебимых, благородных, Не ты ли — гений древних стран, Не ты ли — сила душ свободных, О доблесть, дар благих небес; Героев мать, вина чудес, Не ты ль прославила Катонов, От Катилены Рим спасла И в наши дни всегда была Опорой твердою законов!* [К. Ф. Рылеев. Гражданское мужество: «Кто этот дивный великан...» (1823)]

Конструкция может быть средством прогнозирования поведения адресата или давления на него (21), поскольку название статуса адресата заставляет его ориентироваться не на реальную ситуацию, а на свою общественную функцию:

- (21) Бородач Денис Караваев с бельмом на правом глазу, подойдя вплотную к Ереминой Курице, тихо проговорил: — *Не ты ли хозяин* умета будешь? — Я самый. [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга первая. Ч. 3 (1934–1939)]

В примере (21) гипотетический ответ очевиден как для адресата, так и для адресанта: это ответ «Да». Однако последствия признания статуса адресатом могут варьироваться от «Я хозяин, и поэтому буду делать то, что считаю нужным!» до «Я хозяин, и поэтому готов выполнить просьбу!».

Совсем иной тип гипотетической реакции представлен в примере (22), где у адресата и адресанта разные сферы «очевидного»: Петр уверен, что Горн «виноват», Горну, напротив, ясно, что он «не виноват».

(22) Петр, между ими увидев и Горна, в жару своем дал ему пощечину, и сказал с гневом: «*Не ты ли всему виноват?*» [А. С. Пушкин. История Петра: Подготовительные тексты (1835–1836)]

Существенно отличаются от прозаических поэтические примеры, которые изобилуют метафорическими характеристиками адресата, служащими, как правило, знаком надежды и радости узнавания (23).

(23) *Не ты ли — мост, не ты ли — первый след* По океану правды зыбкой? [А. А. Бестужев-Марлинский. Череп: «Кончины памятник безгробной!..» (1828)]

В примерах с *не ты ли* + *имя* состав распространителей конструкции отличается разнообразием: *тот самый человек, храбрый мой герой, не ты ли отец, не ты ли (был) враг, не ты ли (будешь) пчелой, не ты ли радость и счастье, не ты ли король, не ты ли (была) рабой, не ты ли этот негодяй, не ты ли чудак, не ты ли счастья, славы сын, не ты ли заблудшее чадо* и др. На этом фоне распространители конструкции *не я ли* выглядят очень бедно, как, впрочем, и конструкции *не мы (вы) ли* + *имя*³.

³ Среди конструкций *не мы ли* + *имя* примеры со словами *помеха, причина, вина, виноват* встречаются довольно редко, однако и те чаще всего встречаются в религиозных текстах. Например: Но осмотримся, слушатели, *не мы ли того развращения виною?* [архиепископ Платон (Левшин). Нравоучение второе надесять (1758)]. Также за конструкцией начинают следовать предикативы типа *должен, обязан*: *Не мы ли сами обязаны* попытаться искупить жертву Его Сына, вместо того, чтобы требовать чего-то еще? [Христианство — религия печали (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.11.16]. Среди конструкций *не вы ли* + *имя* нет примеров со словами *помеха, причина, вина* и т. п., как это было в конструкциях с местоимением первого лица и второго лица единственного числа, а со словами *виноваты* и *обязаны* лишь единожды: Вы все — купцы, продававшие селедку, мыло, пряники, конфеты, муку, перец, соль, горчицу, хлеб, колбасу, *не вы ли виноваты*, что вы чеканили деньги, на которые для вас будет куплен порох и пули. [А. С. Сорокин. Хохот Желтого дьявола

Так же, как и в конструкциях *не ты ли* + *глагол* (24), предварять конструкцию может обращение, смягчающее резкий тон вопроса (25):

(24) — Это *не ты ли*, дружище, и поджег мою солому, а? [С. Н. Сергеев-Ценский. Движения (1909–1910)]

(25) Когда рассвело, вдруг отворилась дверь его комнаты, и вошел мужчина высокого роста. — *Не ты ли*, брат, *живописец Никитин?* — спросил вошедший. [К. П. Масальский. Черный ящик (1833)]

Порядок слов в этих случаях (*не ты ли* + *обращение* + *именная часть*) связан с коммуникативным статусом адресанта. В тех случаях, когда адресант имеет высокий коммуникативный статус, риторический вопрос, оформленный таким способом, подчеркивает превосходство говорящего над слушателем (в примере (25) говорит император Петр I). Таким образом воплощается интенция адресанта: выразить уверенность в собственном владении ситуацией: «Я уверен, что это ты!». Если порядок слов будет изменен (*обращение* + *не ты ли* + *именная часть*), то конструкция производит другое впечатление: благодаря обращению происходит интимизация [Булаховский 1954: 455–458] высказывания, риторический вопрос звучит уже как приглашение к диалогу:

(26) Душа моя, гостя ты мира: / *Не ты ли перната сия?* [М. Л. Гаспаров, Омри Ронен. Похороны солнца в Петербурге // «Звезда», 2003]

Отношения между адресатом и адресантом

Фактор адресата (в коммуникации или в автокоммуникации) существен для анализа позитивной или негативной коннотации, которые характерны для описанной конструкции. Путь к пониманию коммуникативных функций местоимений лежит либо через анализ семантики конкретного местоимения в отдельности [Норман 2002], либо че-

(1914)]. Среди конструкций *не он/она/они ли* + *имя* часто встречаются примеры с отрицательной коннотацией, ведь участники диалога могут спокойно говорить о третьем лице, не участвующем в беседе и/или находящемся вдали, так, как им заблагорассудится, не боясь при этом быть услышанными: *Не он ли повинен* в том, что число жертв оказалось столь значительным? [Татьяна Батенева. Люди гибли не от газа, а от стресса (2002) // «Известия», 2002.10.27].

рез сопоставление функций разных местоимений в сходных или потенциально взаимозаменяемых контекстах [Лобачев 1981]. Тезис Б. Ю. Нормана о том, что «употребление местоимения 1-го лица множественного числа в русских текстах в значительной степени зависит от того, какое место отводит говорящий в структуре коммуникативного акта самому себе и собеседнику...» [Норман 2002: 224], можно применить ко всем личным местоимениям.

Риторический вопрос, содержащий характеристику адресата (*не ты ли есть X?*), диктует слушателю вполне определенное понимание специфики его отношений с адресантом. Этот вопрос может задать только тот, чей коммуникативный или социальный статус выше, чем статус адресата. В конструкции с местоимением второго лица приписывание адресату определенных

качеств является формой выражения власти говорящего над слушателем.

То же можно сказать и о конструкции *не я ли есть X?* Адресат лишен права самостоятельно характеризовать адресанта. Ему отводится роль публики, которая должна согласиться или не согласиться с адресантом не в соответствии с личными убеждениями, а вследствие давления на него адресанта.

Таким образом, анализ позитивной или негативной коннотации в риторическом вопросе непосредственно связан с тем, как представляет себе место собеседника говорящий. Риторический вопрос и восклицание, содержащие противопоставление ТЫ и Я позиций, может стать конфликтогенным фактором в живом общении, причем анализ описанной конструкции является средством диагностики «кооперации» и «некооперации» [Николаева 1990] в диалоге.

Литература

- Булаховский Л. А. Русский литературный язык 1-й половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М.: Учпедгиз, 1954. 468 с.
- Лобачев Б. З. О категориях эго- и альтерэгоцентризма // Проблемы структурной лингвистики 1981. М.: Наука, 1983. С. 23–37.
- Клюшин П. В., Маркасова Е. В. Семантика конструкции «не+личное местоимение+ли» в русском языке // Тезисы докладов XLI Междунар. филологической конференции. СПб., 2013а. С. 403–405. [электронный ресурс] // URL: http://phil.spbu.ru/rabochaya/XLI_Conf_.pdf (дата обращения: 13.03.2013).
- Клюшин П. В., Маркасова Е. В. ТЫ и Я в конструкции не+местоимение+ли+глагол //

Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики Сб. материалов науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 9–12 апреля 2013 г.). СПб.: Нестор-История, 2013б. С. 168–173.

Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры: Терминологический словарь. Ростов н/Дону: Феникс, 2007. 941 с.

Николаева Т. М. О принципе «некооперации» и/или категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 225–235.

Норман Б. Ю. Русское местоимение МЫ: внутренняя драматургия // Russian Linguistics. 2002. Vol. 26. № 2. P. 217–234.

References

- Bulakhovskiy L. A. [The Russian Literary Language of the 1st half of the XIX Century. Phonetics. Morphology. Stress. Syntax]. Moscow: Uchpedgiz, 1954. 468 p. (In Russ.)
- Lobachev B. Z. [On Categories of Ego- and Alteregocentrism]. In: [Problems of Structural Linguistics 1981]. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 23–37. (In Russ.)
- Klyushin P. V., Markasova E. V. [Semantics of the Construction “ne+personal pronoun+li” in Russian]. Conf. proc. St. Petersburg, 2013a. Pp. 403–405. An Internet resource: http://phil.spbu.ru/rabochaya/XLI_Conf_.pdf (accessed: March 13, 2013). (In Russ.)
- Klyushin P. V., Markasova E. V. [YOU and I in the Construction “ne+pronoun+li+verb”]. In: [Verbal and Nominal Categories in the System of Functional Grammar]. Conf. proc. (St. Petersburg; April 9–12, 2013). St. Petersburg: Nestor-Istoria, 2013b. Pp. 168–173. (In Russ.)
- Moskvin V. P. [Expressive Means of Modern Russian Speech. Tropes and Figures: Terminological Dictionary]. Rostov-on-Don: Feniks, 2007. 941 p. (In Russ.)
- Nikolaeva T. M. [Concerning “non-cooperation” Principle and/or Categories of the Sociolinguistic Influence]. In: [Logical Language Analysis. Conflictibility and Text Anomaly]. Moscow: Nauka, 1990. Pp 225–235. (In Russ.)
- Norman B. Yu. [The Russian Pronoun WE: Internal Dramaturgy]. *Russian Linguistics*. 2002. Vol. 26. No. 2. Pp. 217–234. (In Russ.)